

## **ЕРЕТИКИ В СИБИРИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVII в.**

Начальный этап смены культурных эпох, отчетливо наметившийся к рубежу XVI и XVII столетий, совпал с экстремальной ситуацией времен Смуты. В дальнейшем одним из достаточно заметных проявлений процесса культурной переориентации стал период «нестроений» в русской церковной жизни, сопровождавшийся ростом религиозного индифферентизма, на почве которого возникали духовные искания, нередко приводившие к отходу от общепринятых норм православия. На восточных окраинах страны, где позиции церкви на протяжении всего XVII в. были достаточно слабыми, а пришлое население в значительной степени формировалось за счет ссыльных, в числе которых было немало иноземцев, как принадлежавших к неправославным конфессиям, так и вынужденных принять православное крещение, эта проблема стояла особенно остро. Не случайно в одной из патриарших грамот 1622 г., адресованных первому сибирскому архиепископу Кириану, специально обращалось внимание на тот факт, что «в сибирских городах многие русские люди и иноземцы, литва и немцы, которые в нашу православную веру крещены, крестов на себе не носят, постных дней не хранят» и совершают иные бесчинства<sup>1</sup>.

Представители светской власти в Сибири были в решении вопросов религиозного благочестия плохими помощниками тобольскому владыке. «Ведомо нам учинилось, — говорилось в царской грамоте, отправленной в том же 1622 г. верхотурским воеводам И.П.Пушкину и Д.И.Зубову, — что в сибирских городех служилые и всяких чинов люди в духовных делах богомолца нашего архиепископа Киприяна и сго десятильников слушати и под суд к нему ходити не хотят, и научают меж себя на архиепископа служилых и всяких чинов людей во всех сибирских городех шуметь, а вы, воеводы, им в том потакаете»<sup>2</sup>.

В этой связи заслуживает интереса характеристика взглядов А.Ф.Палицына, занимавшего в конце 20-х — начале 30-х гг. XVII в. должность второго воеводы в Мангазее. Являя собой, по определению С.В. Бахрушина, тип «своеобразного представителя московской интеллигенции

---

<sup>1</sup> АИ. СПб., 1841. Т. 3. С. 96.

<sup>2</sup> Там же. С. 166.

начала XVII в. — интеллигенции, которая только зарождалась и умственные запросы которой были пробуждены событиями Смуты, А.Ф.Палицын был склонен к религиозному вольнодумству. "Не по одну пору говорил он многие слова, пристойные к ерести", утверждая, в частности, что спустившийся в ад Христос "всех свободил, и не осталось де во аде никто после воскресения Христова, и еретикам де и богохульникам муки не будет; бог бо в славе божества своего явился многим, и ангелам, и простым людям являлся". Нарушая устоявшиеся правила религиозного быта, Палицын "пил табак", долгое время не имел отца духовного, причащался не постясь, пел у себя в избе молебны без попа, сам при этом читал Евангелие и кадил образа. Привлекало его и чернокнижие, о чем знали многие. Недаром первый мангазейский воевода Г.Кокорев, являвшийся его непримиримым врагом, угощая служилых людей конфискованным у Палицына вином, велел лить в него святую воду, "бояся от Андрея Палицына кудесу, чтобы служилых людей не смутить". А один из приятелей Палицына признавался: "...и сами де они того видят, что Андрей обошел их бесовским волшебством, своею ересью, не ведают де, что и делают"<sup>3</sup>.

Впрочем и клирики, даже из ближайшего окружения тобольского владыки, не отличались особым религиозным благочестием. Так, в 1623 г. священник Софийского собора Яков, подравшись со своим тестем, воскресенским попом Алексеем, и «побояся того, чтоб его в той драке не убили до смерти», «затяял» дело — стал «упрекать» Алексея в «порче» патриарха Филарета. А тот, в свою очередь, обвинил своего зятя в том, что он «хвалитца убить до смерти его, Олексееву, дочь, а свою попадью, и скуфью де он с себя хочет скинуть, и изодрал на четверо, и платье свое поповское перделывает по-дворянски. Да тот же поп Яков держал у себя под постелею понагею и на ней спал, и ногами стоял»<sup>4</sup>. Да он же приносил к себе на подворье крест золот с мощами, а сказал, что будто он тот крест взял у самого архиепископа Киприана. «И сказывал в том кресте часть ризы Христовы. И тот крест носил на себе в нечистоте». Поскольку накануне поп Яков вместе с ризничим Феодосием, монахами Христофором, Андрианом и Авраамием, подьячим Михаилом Горяиновым и посадским человеком Петром Щепоткиным обвинил архиепископа Киприана в «духовном великом деле», его, как и остальных изветчиков, владыке, собравшемуся ехать в Москву, велено было взять с собой<sup>5</sup>.

<sup>3</sup> Бахрушин С.В. Андрей Федорович Палицын // Бахрушин С.В. Науч. тр. Т. III, ч. 1. М., 1955. С. 176, 187—188.

<sup>4</sup> Подобное обвинение могло иметь очень серьезные последствия для Якова, поскольку попиране ногами икон входило в колдовской ритуал отречения от Бога.

<sup>5</sup> Тобольский архиерейский дом в XVII веке. (История Сибири. Первоисточники. Вып. 4). Новосибирск, 1994. С. 206—207, 209—211. Обвинение в «духовном великом деле» было также выдвинуто против бывшего архимандрита Тобольского Успенского монастыря Мефодия, являвшегося духовным отцом Киприана, который находился в это время на игумен-

Сумев каким-то образом избежать сурового наказания, Яков «на Москве жил без места год», после чего решил самовольно вернуться в Тобольск, однако на Верхотурской заставе был остановлен. При обыске у него нашли «в коробые траву багрову, да три корени, да комок перхчеват бел». Во время допроса Яков дал письменные показания, что получил все это от тобольского казака Степана Козьи Ноги. В соответствии с царской грамотой от 13 октября 1625 г., «того попа Якова и коробыю, что у него вынято с воровским кореньем», отослали в Москву, в Приказ Казанского дворца<sup>6</sup>.

Следует отметить, что в борьбе с религиозным инакомыслием светские и церковные власти проявляли определенную непоследовательность и нередко обвиняли в ереси даже тех, кто лишь посягал на незыблемость традиции. В этом отношении весьма показательна судьба известного писателя первой половины XVII в. кн. С.И. Шаховского, который в связи со сватовством в 1644 г. датского королевича Вольдемара к царевне Ирине Михайловне письменно предложил ввести его некрещеным по православному обряду в церковь. В качестве наказания за это Шаховского послали на воеводство в Усть-Колу, затем перевели на Устюг Великий, а оттуда — в Сольвычегодск. По возвращении в Москву Шаховской вновь напомнил о своем письме. Дело возбудили вторично. В итоге князя обвинили в еретичестве и приговорили к сожжению, но помиловали и в 1649 г. «послали в Сибирь в опалу в Томской город», откуда он сумел вернуться в Москву только в конце жизни<sup>7</sup>.

В связи с этим уместно будет вспомнить справедливое высказывание С.М. Соловьева: «Слово ересь в то время имело обширнейшее и часто превратное значение, ибо значение религиозное, вечное, неизменяемое, божественное придаваемо было и тому, что не имело ничего общего с ним, придаваемо было форме, внешнему, изменяемому; то, что в самом деле было ересью, какое-нибудь неправильное, нелепое толкование места св. писания, основанное на непонятном, искаженном месте церковного писателя, не казалось ересью; но страшной ересью являлось нарушение принятого, освященного древностию обычая»<sup>8</sup>.

В подобной обстановке обвинения в ереси могли стать неплохим источником дохода для беззастенчивых шантажистов, примером чему служит случай с чернецом Нижегородского Духова монастыря Павлом Коровкиным (в другом документе он назван Коровником), который в 1622 г.

---

стве в Мангазейском Троицком монастыре. Он тоже был вызван в Москву, откуда его в 1627 г. отпустили в Мангазею «по-прежнему» (РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 7. Л. 41).

<sup>6</sup> АИ. Т. 3. С. 224—225.

<sup>7</sup> Семенова Е.И. Шаховской Семен Иванович // ТОДРЛ. СПб., 1992. Т. 45. С. 171.

<sup>8</sup> Соловьев С.М. История России с древнейших времен // Соч.: В 18 кн. М., 1990. Кн.5, т.9. С.325.

«продавал нижегородцов посадских лутчих людей, затеев воровством ересное дело». Судя по всему, это был профессиональный вымогатель, который еще до своего пострижения «приставливал» к своим землякам-балахонцам «посадским людям во многих напрасных исках для своей безделные корысти... рублей в петинатцати и в дватцати, и мирися на рубле и на полуторе. И за воровство многажды был пытан и кнутом по торгом бит, и из города з Балахны збит. И после того в чернецах, живучи на Москве, многих же людей клепал воровством и продавал напрасно. И за воровство посылан тот чернец Павел в смиренье в Горитцкой монастырь. А велено ему в ножных железах работать на братью черную работу. И тот чернец Павел из Горитцкого монастыря из желез ушел и пришел на Балахну, и на Балахне и в Балахонском уезде своим воровством затеев в мире смуту великую». В 1625 г. за все эти «деяния» Павел был сослан в Тобольск. По прибытии чернеца архиепископ Макарий «велел ево послать в Знаменской монастырь к архимариту Макарию. И велел ево держать под началом и быти в черной службе в работе, и велел ево беречь накрепко, чтоб из монастыря никуды не ушел и дурна бы над собою никакого не учинил»<sup>9</sup>.

Не менее колоритной фигурой был подьячий Дружина Федосеев сын Ильин по прозвищу Кривошея. Еще в 1615/16 г. он вместе с Иваном Михайловым сыном Хрипуновым был дозорщиком вотчины Чудова монастыря в Костроме<sup>10</sup>. Впоследствии за подделку документов и другие проступки его отставили от службы и сослали в сентябре 1627 г. в Соловецкий монастырь с повелением «за многое его воровство постричь и держать в ряду з братьею». В монашестве он получил имя Ефрем. Но не прошло и года; как от соловецкого игумена Макария «з братьею» в Москву поступила жалоба: «...тот де чернец Ефрем Кривошея в монастыре у них учал воровать — грамоты пишет немецким и полским языком, и иные грамоты и языки, сказывает, разумеет многие, и в монастыре великие смуты и вражды и мятеж меж братьи чинит, и угроживает им всякими стотьями. А которые опальные и иные люди по государеву указу посланы к ним в Соловецкой монастырь в государевых делах, иноземцы и руские люди, и те опальные люди к нему, чернцу Ефрему, учили приставать. А место у них украинное. А того чернца Ефрема от воровства унять им немочно».

По царскому указу Ефрема Кривошею отослали «в Мангазею, в Тазовской город в монастырь», где он находился под усиленным надзором. Но и в Мангазейском Троицком монастыре Ефрем не ужилсЯ, в результате чего его перевели в Туруханское зимовье, где он содержался за счет мира и церковного прихода. За два года пребывания здесь склочный монах сумел перессориться со всеми. В своих жалобах на него в Москву жители Туру-

<sup>9</sup> Тобольский архиерейский дом... С. 215, 223—224.

<sup>10</sup> См.: Веселовский С.Б. Дьяки и подьячие XV—XVII вв. М., 1975. С. 271.

ханска обвиняли его в многочисленных «поклепах» и «доводах», в постоянном на всех «ябедничестве» и угрозах (так, например, Ефрем говорил туруханцам: «Как де пушу беса в пазуху — лихо будет выживать!») и даже в истязаниях и убийстве в своей «келье» десятилетнего «купленного» якутского мальчика Христофора. Ссылный старец, в свою очередь, обвинил туруханский мир и его церковного старосту Леонтия Иванова сына Толстоухова в том, что в местной церкви на аналое не было иконы Алексея человека Божия — патрона царевича Алексея Михайловича, а среди церковных книг находился Служебник литовской печати. Занимавшийся в 1634 г. этим делом мангазейский воевода Г.Н.Орлов сам стал жертвой обвинения в «слове и деле» со стороны Ефрема Кривошеи, лживость которого была быстро доказана. В результате воевода заключил старца в тюрьму, мотивируя это тем, что от его происков «от часу воровства прибавляется», а на всех людей он своими «затейными словами и продажами» навел «страх и ужас великой»<sup>11</sup>.

Весьма показательным в приведенных выше материалах является то обстоятельство, что Ефрем Кривошея ставил в вину туруханцам хранение в церкви Служебника литовской печати. Причина этого заключалась не только в общей подозрительности побывавшего в польском плену патриарха Филарета по отношению ко всему, что проникало в Россию из-за западного рубежа, но и в конкретных событиях второй половины 20-х гг. XVII в., связанных с осуждением Евангелия учительного Кирилла Транквиллиона-Ставровецкого, которое было признано московскими экспертами-богословами еретическим<sup>12</sup>. В результате этого в конце 1627 г. был обнародован указ царя и патриарха не только о розыске, отобрании и публичном сожжении ходящих по рукам «книг учительных и Евангельев архимарита Кирилла Транквиллиона Ставровецкого», но и о запрете под страхом сурового наказания покупать любые «литовские книги»<sup>13</sup>. В числе прочих соответствующие указные грамоты об этом были посланы в Тобольск, Верхотурье<sup>14</sup> и другие сибирские города.

Отголоски этих событий нашли свое отражение в деле о вологодских еретиках. Началось оно в июне 1628 г. «по отписке и по роспросным речем», присланным в Москву вологодским и великопермским архиепи-

<sup>11</sup> РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 23. Л. 162—177 (выражаю свою признательность А.В.Полетаеву за возможность пользоваться материалами данного столбца); Стб. 656. Л.3—21; ср.: Александров В.А., Покровский Н.Н. Мирские организации и административная власть в Сибири в XVII веке // ИСССР. 1986. № 1. С. 48—49; Они же. Власть и общество: Сибирь в XVII в. Новосибирск, 1991. С. 130—132, 134—135.

<sup>12</sup> См.: Исаевич Я.Д. Преемники первопечатника. М., 1981. С.144—145; Маслов С.И. Кирилл Транквиллион-Ставровецкий и его литературная деятельность. Киев, 1984. С.172—177.

<sup>13</sup> СГД. М., 1822. Ч. 3. С. 298—299; АМГ. СПб., 1890. Т. 1. С. 311.

<sup>14</sup> См.: РГАДА. Ф.214. Оп.3. Стб. 13. Л.37—40; Шнышонко В.Н. Пермская летопись. Второй период: 1613—1645. Пермь, 1882. С.276.

скопом Варлаамом. Как было установлено, в Вологодском Ильинском монастыре «объявились в воровском въ еретическом деле ... прихожие чернцы Ондrejaн с учеником своим с чернцом съ Яковом». Им удалось совратить в свою веру местных жителей — попа вологодской Никольской церкви Ивана Филимонова и подьячего съезжей избы Аггея Семенова. Их «воровство» и «еретичество» заключалось в следующем: чернец Андриян утверждал, «будто он ...приял Дух Святый и Бога видит на небеси безпрестанно во всей славе»; кроме того, он «с своими советники... противляся божественному писанию святых апостол и святых отец», еретика Кирилла Транквиллиона-Ставровецкого, «которого слогу книги печатные сожжены, похвалял и называл ево святым: будто он Дух Святый принял так ж как и он, еретик чернец Ондrejaн, и будто те книги сожжены не по делу. Да они ж, враги Божии, тот еретик Ондrejaн с товарищи, Духа Святаго проповедали ложно — будто исходит от Отца и от Сына, чегверят Святую Троицу, разделяют Духа Святаго в два начала так ж как латыни — еретицы-папезницы».

По царскому указу «за то воровство и за ересь» Андрияну и его товарищам было «на Вологде учинено наказание и разосланы в розные монастыри под крепкие начала». В частности, чернеца Якова сослали в Вологодский Спасо-Каменный монастырь. Здесь его велено было «держати на чепи и в железех в великой крепости за сторожи» и регулярно приводить в церковь для покаяния. В феврале 1629 г. монастырскому начальству поступил на него письменный извет от «сибирского попа Якова», из которого следовало, «что чернец Яков по-прежнему учителя своево еретика чернца Ондrejaна во всем похваляет и воровством и еретичеством многие непристойные слова говорит». Сведения об этом были посланы в Москву. В результате по указу царя и патриарха решено было «чернца Якова из Каменного монастыря сослать в Сибирь, в Тобольской город, а в Тобольском городе быти ему в Знаменском монастыре под крепким началом в монастырской в черной службе». 4 мая того же года он в сопровождении тобольского сына боярского Ивана Астраханца прибыл в Тобольск<sup>15</sup>.

В Тобольском Знаменском монастыре, куда был помещен вологодский еретик, находились в конце 20-х — начале 30-х гг. и другие ссыльные. Так, например, в 1627 г. здесь оказались бывший архимандрит Суздальского Спасо-Евфимиева монастыря Варлаам и его товарищ по несчастью чернец Евфимий<sup>16</sup>. А в начале 1633 г. сюда из Соловецкого монастыря доставили еще одного монаха, о котором следует сказать особо.

<sup>15</sup> РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 23. Л. 270—302.

<sup>16</sup> См.: Там же. Стб. 7. Л. 43—44; еще три чернеца были тогда же сосланы в Спасский монастырь «на Тару» (Там же. Л. 66, 79); в 1628 г. в «Тарской город» был сослан бывший игумен Важского Богословского монастыря Симеон «за ево многое воровство и за ложной извет»; согласно царской грамоте, его также поместили в Спасский монастырь «к игумену

Еще в 1630 г. в Соловки был прислан по царской грамоте из Приказа Большого дворца новокрещенный поляк Матвей Ондрановский, «а велено... его постричь». В иночестве он получил имя Малафей (Малахия). Новоявленный монах оказался человеком весьма беспокойным. Уже 1 августа 1632 г. игумен Макарий «с братиею» жаловались на него царю и патриарху: «...живет де тот старец в монастыре самоволством, бесчинство и воровство чинит многое, а уняти его от воровства монастырским никаким смирением не мочно». Кроме того, Малафей завел себе друга — чернеца Митрофана. В монастыре этот человек появился при следующих обстоятельствах: в 1615 г., «как воевали литовские черкасы соловецкие промыслы», в Сумский острог «отъехал из литовских полков черкашенин, Михалком звали, а сказал, что он русской казак, родом черниговец». Вскоре по его челобитью соловецкий игумен Иринарх совершил над ним монашеский постриг и дал «имя ему в чернецах Митрофан».

Сойдясь с Малафеем Поляком, Митрофан стал с ним «жить советно и водитися тайно, и о всем про себя друг другу рассказали». Однако дружба их оказалась недолгой: 8 февраля 1632 г. Малафей, воспользовавшись откровенностью Митрофана Черкашенина, подал на него извет, в котором сообщил, что он — литовский уроженец, «а не русской казак», и что до своего пострижения «в православную и христианскую веру нигде не крещен». Допрошенный на монастырском соборе, Митрофан признался, «что уроженец де он литовского города Прилук, вотчины Збараского князя села Турбова, а живут де в том городе русь, крестьяне; а крещенья своего, как его крестили, не помнит». В свою очередь, Митрофан обвинил своего коварного друга в том, «что де он, Малафей, послан из Польши к Москве от отца своего для великого дела, и живет буттося он, Малафей, в том монастыре от королевича, и говорил многие слова дурные».

Изложив обстоятельства этого дела, игумен «с братиею» просили в своей челобитной избавить их от подозрительных чернецов, ссылаясь, как и в случае с Ефремом Кривошесей, на то, «что у них место украинное, порубежное» (следует помнить, что эти события происходили во время Смоленской войны). Идя им навстречу, царь и патриарх 16 ноября 1632 г. указали Малафея Поляка сослать в Тобольский Знаменский монастырь, а Митрофана Черкашенина — в Верхотурский Николаевский<sup>17</sup>.

Оказавшись в Тобольске, Малафей Поляк, которого сибирские источники обычно именуют «ссылным старцем Малахом», продолжал досаждать местным церковным и светским властям своими выходками. Так, например, «при архиепископе Макарье (умер в 1635 г.—А.Ш.) тот старец

---

Исае под начало и велели его держать под началом в хлебне — на братью муку сеяти и хлебы печь» (Там же. Стб.23. Л.208—209).

<sup>17</sup> РИБ. СПб., 1875. Т.2. Стб.525—528.

Малах в Софейском доме поваренную избу сжег»<sup>18</sup>. А в 1637 г. он подал извет «в воровском непристойном слове» на целую группу находившихся в тобольской ссылке «литовских» старцев. Главные обвинения выдвигались им против черного попа Знаменского монастыря Галактиона и келаря Аркадия, исполнявшего в тот период обязанности настоятеля, а также против «архиепископлих ссыльных старцов» Капитона и Михаила. В дело также оказались вовлеченными еще семь монахов «литовского» происхождения, живших в Знаменском монастыре. По утверждению Малафея Поляка, все они с презрением относились к православию, поскольку в душе оставались приверженцами «латинства». Так, например, когда в Тобольске стало известно, что русские рати двинулись под Смоленск, то в Знаменском монастыре молебнов о даровании победы православному воинству не вели, а в ответ на вопрос Малафея, почему это не делается, черный поп Галактион показал ему кукиш<sup>19</sup>.

По царскому указу расследованием дела занимался тобольский воевода кн. М.М.Темкин-Ростовский, который «накрепко» пытал «ссыльного чернца Малаха» и доподлинно выяснил, что все это было затеяно изветчиком «напрасно». На основании такого вывода новый тобольский воевода кн. П.И.Пронский получил 24 декабря 1639 г. государеву грамоту с предписанием главного обвиняемого, «черново попа Галактиона ... свободить и велети ему в Тобольску в Знаменском монастыре быть по-прежнему. А ссыльного ... чернца Малаха отослать в Знаменской же монастырь» и держать его здесь «под крепким началом в черной работе». Однако 20 сентября 1640 г. от келаря Аркадия «з братьею» поступила «на тово ссыльному чернца на Малаха» челобитная с просьбой убрать его из монастыря. Светские власти пошли им навстречу: беспокойного старца «за ево воровство» велено было до царского указа «держать на архиепископле дворе в смиренье». А через несколько дней в воеводскую канцелярию поступила новая челобитная — теперь уже от приказных людей Тобольского архиерейского дома М.Трубчанинова и С.Есипова. В ней содержалась все та же просьба — забрать поскорее отсюда Малаха, пока он «Софейского дому не зажог и не покрал и иные какие пакости не учинил». После этого Малаха перевели в городскую тюрьму, а в Москву была отправлена соответствующая воеводская отписка. В конце декабря 1640 г. судьба «чернца-вора» была в Сибирском приказе решена: его предписывалось «сослать в Мангазею к Николе на Турухан и на Турухане велеть ему быть у церкви в пономарех и беречи ево, чтоб он с Турухана никуды не ушол»<sup>20</sup>.

<sup>18</sup> Неизвестный автограф сибирского летописца Саввы Есипова / Публ. подгот. А.А.Преображенский // СА. 1983. № 2. С.64.

<sup>19</sup> См.: Буцинский П.Н. Сибирские архиепископы Макарий, Нектарий, Герасим (1625—1650 гг.). Харьков, 1891. С.40—42.

<sup>20</sup> Неизвестный автограф... С.64—65.

В связи с делом, инспирированным в Тобольске Малафеем (Малахом) Поляком, необходимо развеять один историографический миф, возникший в результате высказанного А.А.Преображенским мнения, будто в опубликованной им отписке тобольских восвод в Москву от 27 декабря 1640 г. (на самом деле она была послана, как можно заключить из текста, в конце сентября, а 27 декабря, судя по помете, поступила в Сибирский приказ) «имеется прямое указание на то, что в Тобольске тогда находился в ссылке известный противник официальной церкви — Капитон, давший имя одному из сектантских направлений (“капитоны”))»<sup>21</sup>. Следуя этой версии, В.С.Румянцева, занимавшаяся реконструкцией биографии Капитона, пишет, что в 1639 г. он «был взят под стражу и доставлен в ярославский Спасский монастырь, затем сослан в Тобольск, откуда совершил побег в родные края»<sup>22</sup>.

Между тем речь в документе, опубликованном А.А. Преображенским, идет о совершенно другом человеке. Как уже говорилось, им был ссыльный «литовский» монах Капитон, который служил в Тобольском архиерейском доме сушильным старцем. В этом качестве он упоминается в переписных книгах уже в 1636 г.<sup>23</sup>, т.е. задолго до того, как Капитон Колысниковский был арестован и доставлен в Спасо-Ярославский монастырь. Следовательно, «тобольский» эпизод из биографии знаменитого основателя «капитоновщины» нужно безоговорочно изъять.

В заключение необходимо сказать несколько слов о еретике Елизарии Гаврилове сыне Розинкове. В 1613/14 г. он был подьячим в Путивле, держал на откупе в Новгороде-Северском таможню и кабак, в 1624/25—1625/26 гг. вместе с кн. И. Волконским был писцом посада Вязьмы, в конце 30-х гг. XVII в. имел собственный двор в Москве<sup>24</sup>. Однако в 1641 г. его за какую-то провинность сослали вместе с семьей в Красноярск<sup>25</sup>, где он был поверстан в дети боярские. В 1649 г. священник красноярской Преображенской церкви Дмитрий Климантов подал воеводе М.Ф.Дурново извет на Розинкова с обвинением его в ереси. Во время обыска у него нашли две книги — Алфавит и Псалтырь московской печати. Именно эта Псалтырь и стала главной уликой при обвинении Розинкова в еретичестве. Как выяснилось, он ее «чернил ... в Давидовых псалмах и в песнях пророческих во многих статьях, и приписывал», поскольку она, по его мнению, «была в

<sup>21</sup> Неизвестный автограф... С.64.

<sup>22</sup> Румянцева В.С. Ересь Капитона и православная церковь в 40—80-е годы XVII в. // Религии мира: История и современность. Ежегодник. 1984. М., 1984. С.101, 112, прим. 49; Она же. Народное антицерковное движение в России в XVII веке. М., 1986. С. 72, 109, прим. 43.

<sup>23</sup> См.: Ромодановская Е.К. Опись имущества сибирского архиепископа Макария (1636 г.) // Источники по истории Сибири досоветского периода. Новосибирск, 1988. С. 15; Тобольский архиерейский дом... С. 114, 122, 131.

<sup>24</sup> См.: Веселовский С.Б. Дьяки и подьячие... С. 450.

<sup>25</sup> См.: АСПБФИРИ РАН. Ф. 28. Оп.1. Д. 317. Л. 1; Д. 327. Л. 1—2.

речах неисполнена». Образцом Розинкову для «книжной справки» послужила «литовская Псалтырь».

Во время допроса воевода допытывался у Розинкова, с кем он «умышлял и сидел и думал — Псалтырь чернил и приписывал?» На это Елизарий отвечал, что исправления он делал самостоятельно, причем все «сложил по правилам святых отец, а расколу во Псалтыри никакова не сделал». По приказу воеводы исправленную Розинковым книгу вместе с его «распросными речами» отправили в Москву<sup>26</sup>. Какова была дальнейшая судьба самого «вольного справщика церковных книг» (так Елизария Розинкова назвал Н.Н.Оглоблин) — неизвестно.



<sup>26</sup> РГАДА. Ф.214. Оп.3. Стб.377. Л.259-260. См. также: *Оглоблин Н.Н.* Бытовые черты XVII века // *РС.* 1892. Т.73, № 3. С.682; *Бахрушин С.В.* Очерки по истории Красноярского уезда в XVII в. // *Бахрушин С.В.* Науч. тр. Т.4. М., 1959. С.96.